

УДК 811.512.156

DOI 10.25587/SVFU.2023.69.65.008

Компаративные конструкции с оператором *дөмей* в тувинском языке

Л. А. Шамина

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

✉ shamina_la@mail.ru

Аннотация. На примере функционирования оператора *дөмей* выявляется специфика сравнительных конструкций тувинского языка. Такие конструкции могут включать в себя вспомогательный элемент – оператор, или модуль сравнения, который маркирует факт сравнения предметов и вносит в конструкцию дополнительные оттенки значения (уверенности, неуверенности, сомнения, предположения). При систематизации, обобщении результатов наблюдений использовался описательный метод. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в качестве сравнительных рассматриваются лексические единицы, обусловленные некоторыми внешними и внутренними условиями. К внешним условиям мы относим падежи, частицы. В качестве объекта сравнения наиболее часто употребляются субстантивные компоненты, обозначающие представителей фауны, флоры, а также природные явления. Структура сравнительной конструкции в нашей работе задается следующей формулой: $A + C + \beta + B$, где A – предмет речи (то, что сравнивается), B – вводимый образ (то, с чем сравнивается), C – модуль (признак, по которому сравнивается), β – оператор (формальный показатель сравнения). В роли показателя сравнения используется компаратив *дөмей* ‘подобный’, обозначающий сходство, подобие, похожесть и управляющий творительным падежом *-биле* (структурная схема: $N_{\text{NOM}} N_{\text{INSTR}} \text{дөмей}$); и реже дательным падежом *=га* (структурная схема: $N_{\text{NOM}} N_{\text{DAT}} \text{дөмей}$), а также рассматриваются структуры с частицами *-ла*, *-дыр*, *-ил*. В результате проведенного исследования приходим к следующим выводам: сравнение – это ментальное национально-специфическое образование, отражающее совокупность знаний о данном объекте, выраженных разнообразными языковыми средствами. Сравнение, которым обладает каждый этнос, всегда находит свое выражение в языке на всех его уровнях. В качестве перспективы исследования мы считаем, что в других языках можно обнаружить не только аналогичные тувинским языковые средства вербализации концепта сравнение, но и пополнить данный репертуар другими компаративами.

Ключевые слова: компаратив, лексема, семантика, модуль, оператор, модель, тождество, этнос, лексико-синтаксический, экспрессивный.

Для цитирования: Шамина Л. А. Компаративные конструкции с оператором *дөмей* в тувинском языке. Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №1. С. 86–96. DOI: 10.25587/SVFU.2023.69.65.008.

Comparative constructions with the operator *dömei* in the Tuvan language

L. A. Shamina

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

✉ shamina_la@mail.ru

Abstract. The specifics of comparative constructions of the Tuvan language are revealed by the example of the functioning of the operator *dömei*. Such constructions may include an auxiliary element – an operator, or a comparison module that marks the fact of comparing objects, and introduces additional shades of meaning into the construction (confidence, uncertainty, doubts, assumptions). A descriptive method was used to systematize and generalize the results of observations. The scientific

novelty of the study lies in the fact that for the first time lexical units, conditioned by some external and internal conditions, are considered as comparative. To external conditions, we refer: cases, particles. Substantive components denoting representatives of fauna, flora, as well as natural phenomena are most often used as an object of comparison. The structure of the comparative construction in our work is given by the following formula: $A + C + \beta + B$, where A is the subject of speech (what is being compared), B is the input image (what is being compared with), C is the module (the attribute by which it is being compared), β is the operator (the formal indicator of comparison). As an indicator of comparison, the comparative *dömei* 'similar' is used, denoting similarity, likeness, resemblance and controlling the ablative case *-bile* (structural diagram: NNOM NINSTR *dömei*); and less often the dative case *= ga* (structural diagram: NNOM NDAT *dömei*), and structures with particles *-la*, *-dyr*, *-il* are also considered. As a result of the conducted research, we come to the following conclusions: Comparison is a mental ethnical-specific formation reflecting the totality of knowledge about this object expressed by various linguistic means. The comparison that each ethnic group possesses always finds its expression in language at all its levels. As a research perspective, we believe that in other languages it is possible to find not only similar Tuvan linguistic means of verbalization of the concept of comparison, but also to replenish this repertory with other comparatives.

Keywords: comparative, lexeme, semantics, module, operator, model, identity, ethnicity, lexico-syntactic, expressive.

For citation: Shamina L. A. Comparative constructions with the operator *dömei* in the Tuvan language. Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 1. Pp. 86–96. DOI: 10.25587/SVFU.2023.69.65.008.

Введение

Сравнение называют элементарной моделью образной мысли, прообразом всех экспрессивных средств. Это образное словесное выражение, представленное в языке в виде конструкции, некоторой общей схемы построения сложного знака, который несет в себе компаративную функцию независимо от внешнего окружения. Категория сравнения в языке реализуется в рамках функционально-семантической категории компаративности, в которой представлены разноуровневые языковые единицы на основе общности выражаемого ими значения и выполняемых ими функций. Сравнение рассматривается как отдельная языковая единица (лексическая, фразеологическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая). Такая языковая единица представляет собой сопоставление двух предметов, располагающих общим признаком, с целью выяснения их сходства или различия, а также устанавливает изменение интенсивности признака предмета и степени этого изменения.

Сравнения в языке, в том числе и тувинском, могут выражаться морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами.

Задачами нашего исследования является выявление и анализ лексико-синтаксических операторов-компаративов.

Цель данной статьи – рассмотрение специфических черт образной репрезентации содержания (на примере лексемы *дөмей*) в тувинских текстах различных дискурсов (от фольклорных до текстов художественной литературы XXI в).

Актуальность нашей работы обусловлена повышенным вниманием лингвистов к экспрессивной стороне языка.

Теоретическую базу исследования составляют работы российских и зарубежных ученых, посвященные вопросам компаративистики в русском языке и языках других языковых семей, особенностям использования компаративных операторов для выражения субъективной оценки [1–7], а также труды, связанные с изучением вопросов

экспрессивности текста, в частности репрезентации компаративов посредством использования лексических средств [8].

Дискуссия вокруг лексико-синтаксических средств выражения компаративных отношений велась в работах по тюркским языкам Сибири. Ю. И. Васильев рассматривал лексические и синтаксические способы выражения сравнения в якутском языке на основе большого фактического материала (якутского) с привлечением аналогичных показателей сравнения других тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и русского языков [4]. Автор – носитель национальной культуры, обычаев и традиций своего народа, использует в образных сравнениях явления природы Якутии, особенности его жизни и быта. Эта работа продолжается и в настоящее время. Так, объектом исследования средства выражения сравнения в хакасском языке в работе Э. В. Кыржинаковой стали, в числе прочих, и сравнительные конструкции с прилагательным *тоой* ‘похожий’, аналогичные тувинским с оператором *дөмей* [6].

(1) Хак.: *Хулах-тар-ы, пурн-ы аба-ни-на тоой иол-гаи* [6, с. 8].

‘Уши, нос (его) были похожими на медвежь’.

В алтайском языке им соответствует прилагательное *түңней* ‘подобный’.

(2) Алт.: *Бо түңней учурал былтыр болгон* [9, с. 512].

‘Происшествие, подобное этому, было в прошлом году’.

В статье В. Н. Мушаева на материале тюркских и калмыцкого языков исследованы основные способы выражения сравнительных отношений [7]. Авторы отмечают, что сравнительные конструкции являются одним из средств определения этнолингвистического ядра языкового сознания носителей языка.

Выводы, которые мы можем извлечь из рассмотренных работ, заключаются в следующем. Сравнение относится к тем основополагающим категориям, которые играют решающую роль в формировании национальной и индивидуальной картин мира.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в практике преподавания современного тувинского языка, чтении спецкурсов в школе и вузе, в написании методических пособий, а также при дальнейших исследованиях проблемы организации и структурирования функционально-семантического поля компаративное в тувинском языке.

Структура сравнительной конструкции в нашей работе задается следующей формулой: $A + C + \beta + B$, где A – предмет речи (то, что сравнивается), B – вводимый образ (то, с чем сравнивается), C – модуль (признак, по которому сравнивается), β (по за М. И. Черемисиной [2]) – оператор (формальный показатель сравнения).

(3) *Уруг угбазындан чараш* [10].

уруг угба=зы=н=дан чараш
девушка сестра=POSS3.SG=ABL красивый

‘Девочка сестры красивее’.

Здесь предмет речи (A) – *уруг* ‘девушка’. Вводимый образ (B) – *угба* ‘сестра’; признак, по которому сравнивается (C) – *чараш* ‘красивый’; формальный показатель сравнения (оператор β) – показатель аблатива – *дан*.

Для решения поставленных задач в работе используются как общенаучные методы (анализ, классификация, интерпретация), так и эмпирические (наблюдение, анкетирование, сравнение), позволяющие установить общие черты или различия с другими явлениями или предметами.

Функционированию языковых единиц в качестве сравнительных способствуют некоторые внешние и внутренние условия. К внешним условиям мы относим падежи, частицы.

К внутреннему условию, способствующему позиционированию языковой единицы как сравнительной, относится наличие у нее собственной компаративной семантики, проявляющейся самостоятельно или в составе некой семантической оппозиции.

Материал для анализа сравнительных конструкций был извлечен приемом сплошной выборки из произведений тувинского фольклора [11–12], словарей [13–14], [9], художественных произведений классиков тувинской литературы и современных писателей, публицистики, а также данных, опубликованных в научных статьях и монографиях по тувинскому языку и полевым материалам, записанных автором от носителей сопоставляемых языков.

В любом языке есть определенный фонд сравнительных конструкций, каждой из которых соответствует свой, особый сравнительный смысл или оттенок смысла. Это общее множество форм может быть объединено в несколько групп, которые могут различаться в зависимости от выбранной точки зрения на проблему выражения сравнения.

Семантика тувинских лексем сравнивается с семантикой аналогичных лексем алтайского, хакасского языков с целью установления общего и различий в их значениях и семантических структурах.

Указание на то, что сравнение в тувинском языке, как и других тюркских языках, образуется при помощи словосочетания, находим в Грамматике тувинского языка [15].

Сравнения всегда основываются на том, что между двумя предметами (или ситуациями) находится общий признак, общее качество. В тувинском языке сравнение может выражаться как грамматическими, так и лексическими средствами. Простые предметные сравнения были рассмотрены нами ранее в статье, написанной в соавторстве с М. И. Черемисиной [16].

Сравнение как объект исследования

Сравнение изучается в лингвистике как грамматическое явление в работах [2-3], [17] и др., как явление семантической составляющей языка [18-19], как функционально-семантическое поле [20].

В основу проведенного нами исследования положена следующая гипотеза: концепт сравнение представляет собой, с одной стороны – универсальное явление, а с другой – ментальное национально-специфическое образование, содержанием которого является совокупность знаний о данном объекте, а выражением – совокупность языковых средств.

Прототипическими средствами вербализации концепта «сравнение» в русском языке являются степени сравнения прилагательных. Как отмечала А. Вежбицкая, «прилагательные, которые обозначают единичное свойство, могут свободно использоваться для обогащения образа, вызываемого в сознании существительным» [19, с. 116].

(4) *Аъттан бедик, ыттан чавыс* [10]

лошадь=ABLвысокий собака=ABL низкий

‘Выше лошади, ниже собаки’.

В русском языке прилагательное употреблено в сравнительной степени, а в тувинском используется словосочетание, построенное по схеме: N^{ABL} + ADJ.

Выражение сравнения на морфологическом уровне тувинского языка характеризуется использованием качественных прилагательных. Как отмечено в Грамматике тувинского языка, в тувинском языке степени сравнения имеют только качественные прилагательные [15]. Такого рода прилагательные теряют свое основное предметно-логическое значение и выступают только в эмоциональном смысле усиления качества.

Для тувинского языка, как и для других тюркских языков, характерно использование синтаксических, словообразовательных, лексических и лексико-синтаксических средств выражения сравнения.

Лексико-синтаксические средства выражения компаративных отношений

Лексический уровень выражения компаративной семантики представляет собой совокупность единиц различных частей речи, внутреннее содержание которых указывает на сравнение. Особенностью элементов этого уровня языка является то, что значение сравнения передается ими вне зависимости от синтаксических конструкций, членами

которых они являются, речевого окружения. К лексическому уровню относятся группы слов, либо способных выражать значение сравнения в силу своей собственной компаративной семантики: ('сравнить', 'сопоставить', 'превосходство', 'гений', 'образец', 'выдающийся' и т. п.), либо присоединением соответствующих морфем.

(5) *Сарыг-Хаан сарыг ховудан салгынгылаштыр чаяңайып, хаткылаштыр халайгайнып хан олуруп-тур* [11, с. 518].

'Сарыг-Хан по желтой степи поскакал, как быстрый ветер, как порывистый вихрь'.

Здесь эталон сравнения *салгыналдыр, хаткылаштыр* 'как ветер' [13, с. 364; с. 471] обозначает скорость перемещения богатыря (*Сарыг-Хаан*). Объект сравнения – предикат, описывающий природное явление. Он образован аффиксом наречия *кылаштыр*, прибавляемым к основам существительных [21].

Одним из способов выражения сравнения в тувинском языке является лексический способ при помощи слов: подобен, похож, напоминает, словно.

В роли показателей сравнения широко используются такие, которые своими корнями прочно уходят в лексическую систему языка: они деривативно связаны со словами, обозначающими сходство, похожесть, подобие или имеют подобные значения в качестве лексико-семантических вариантов или оттенков значений. Таких вторичных средств в тувинском языке немало.

Сравнения с компаративом *дөмей* 'подобный'

Компаратив *дөмей* является самым употребительным, обозначает сходство, подобие, похожесть и управляет творительным падежом *-биле* (структурная схема: $N_{\text{НОМ}} N_{\text{INSTR}}$ *дөмей*); и реже дательным падежом *=га* (структурная схема: $N_{\text{НОМ}} N_{\text{DAT}}$ *дөмей*).

Такие модели формируют конструкции тождества и переводятся на русский язык разными формами имен, выражающими эталон сравнения. Лексема *дөмей* занимает здесь самостоятельную позицию: это предикат, сказуемое предложения. Ср. в русском: 'кто-на кого-похож; что-чему-подобно'.

Данный компаратив регулярно употребляется в качестве знаменательного предиката. В тувинской грамматической традиции к компаративам он не относится. Но мы рассматриваем компаратив *дөмей* в этом ряду на основании его деривативной связи со словами, обозначающими сходство, подобие.

(6) *Арны адазынга дөмей болур* [14, с. 431].
лицо=ACC отец=POSS3SG=INFIX=DAT COMP.подобный
COP=PrP

'Лицом похож на отца'.

Тувинско-русский словарь [13] толкует его через прилагательные и наречия: 'подобный', 'одинаковый' // 'подобно', 'одинаково', 'как будто'. Как видим, частеречные атрибутивные и адвербиальные значения здесь разграничены знаком //, а значение показателя сравнения как таковое не выделено. В результате анализа материала убеждаемся, что этот компаратив регулярно употребляется в качестве знаменательного предиката. Рассмотрим примеры:

$N_{\text{НОМ}} N=га дөмей$
(7) *Үндуруг хавырыкчылары Часкыныңаскын, дижин көөрге, шанап-ла диштери ытка дөмей болган* [22, с. 62].

'Сборщики дани посмотрели ей в рот и оказалось, что, действительно, ее зубы были похожи на собачьи'.

(8) *Олар ыяштарга дөмей дирлер* [23, с. 115].

'Они как деревья, оказывается'.

(9) *А силер оларга дөмей болбаңар* [24, с. 212].

'А вы им не будьте подобны'.

(10) *Че, чул, кырган-авай, оол кымга дөмей-дир?* [10=ПМА].

'Что, бабушка, на кого мальчик похож?'

Компаративное ядро рассмотренных примеров составляет: имя в номинативе, второе имя – в дативе и оператор – *дөмей*. Объект сравнения – абстрактное имя: деревья, зубы, человек. Предикат *дөмей*, как и его аналог в алтайском – *түңей* ‘подобный’, управляет дательным падежом, однако значительно чаще этот показатель сравнения управляет творительным падежом -*биле*.

$N_{\text{НОМ}}$ N-биле дөмей

Компаративное ядро составляет имя в номинативе, второе имя – в инструменталисе-комитативе и оператор – *дөмей*.

(11) *Тимур-оолга ындыг медээ күштүг согут-биле дөмей болган* [25, с. 239].

‘Для Тимур-оола такая весть была подобна удару’.

(12) *Номчуп орда, карактыг кижини-биле дөмей, чүгле сыылаар* [26, с. 84].

‘Когда читает, очень быстро, как зрячий’.

(13) *Кижиниң оглу оол-биле дөмей, кижиниң кызы кыс-биле дөмей, оглум* [11, с. 200].

‘Чужой сын мне как сын, чужая дочь мне как дочь, сынок’.

В рассмотренных примерах лексема *дөмей* выступает как конечное сказуемое, которое способно принимать дополнительные модальные характеристики, внося в семантику особую стилистическую окраску.

Компаратив *дөмей* с падежами и частицами.

Кроме основных моделей сравнения с показателем *дөмей*, представленных рассмотренными выше структурными схемами ($N_{\text{НОМ}}$ N-биле дөмей; $N_{\text{НОМ}}$ N=га дөмей), в тувинском языке существуют модели с морфологическими конкретизаторами – частицами и модели смешанного типа – с падежами и частицами. Эти морфосинтаксические маркеры непосредственно оформляют данный компаратив. Структурная схема: $N_{\text{НОМ}}$ $N_{\text{ДАТ/INSTR}}$ дөмей=PRTCL

Дөмей с постпозитивными частицами.

Следует сказать, что среди частиц, выражающих сравнение самостоятельно, широко употребима частица -*ла*.

В позиции предиката *дөмей* может присоединять сравнительную частицу -*ла*, эвиденциальную -*дыр*, вопросительную -*ыл*, усилительную -*даа* и другие элементы, усиливающие компаративную семантику.

Сравнительная частица -ла.

Она часто используется для выражения сравнений метафорического типа.

(14) *Ашактың арын-шырайы өң чок – ак тос-ла* [27, с. 28].

‘Лицо старика бесцветно, как белая береста’.

(15) *Адазы-ла* [13, с. 281].

‘Совсем как отец’.

(16) *Чылдар эртерге, сээң аныяк-чац назының ажыглап, сени бастып оорлаан кижилер дөмей-ле билдинип кээр* [28, с. 94-104].

‘Когда пройдут годы, все равно станут известны, подобные (тем) кто у тебя воровал’.

Вопросительная частица =ыл.

(17) *Бурганның Чагыргазы чүге дөмейил база Ону чүү-биле дөмейлей көөр мен?* [24, с. 188].

‘Чему подобно Царствие Божие и чему уподоблю Его?’

эвиденциальная частица =дыр.

(18) *Херээжен кижиниң дыка хөй далганга холааш, бүгү далган хөөй бергижеге булган турары ажыткыга Ол дөмей-дир.* [24, с. 189].

‘Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все’.

Смешанный тип.

При выражении сравнения в тувинском языке возможна контаминация *дөмей* с препозитивными падежами и постпозитивными частицами.

(19) *Ол бир кижиниң сесерлиинге тарып алганы хензиг горчица үрезининге дөмей-дир, ол үрезин өзүп келгеш...* [24, с. 188].

Оно подобно зерну горчичному, которое человек, взяв, посадил в саду своем...?

(20) *Бурганның Чагыргазын чүү-биле дөмейлей көрейин?* [24, с. 189]

‘Чему уподоблю Царствие Божие?’

(21) *Чаңгыс оглу-биле дөмей-даа апарган турган иргин ийин* [11, с. 282].

‘Словно единственный сын стал [для Хана].’

(22) *А мээң эдертикчим дээрге, өөндө чүве-биле дөмей-ла дүште чок хаарыктавышаан* [29, с. 15].

‘А мой сопровождающий продолжает спокойно храпеть, как дома.’

(23) *Кадайы-биле сөс карышпастан, оозу чеже-даа чемелептурда, дүлей чүве-биле дөмей апраган* [30, с.74].

‘С женой словом не обмолвился, даже не упрекнул ее, как глухой стал.’

Существительное *чүве*, которое понимается здесь не в своем основном значении ‘вещь’, а как модальный показатель подчеркнутой достоверности, в данном случае может быть даже гиперболичности сравнения (см. об этом слове [31, с. 30].

Компаратив дөмей с причастными формами

Компаратив дөмей с причастными формами, принимающими форму комитатива-инструменталиса *-биле*, переводится на русский язык словами типа *как будто, словно*, которые выступают не как сравнительные союзы, а как сказуемое.

(24) *Шупту-ла белен, делген каан-биле дөмей* [32, с. 246].

‘Все готово, как на выставке лежит.’

(25) *Авамның аактыг сөстөрүни, ооң нары-шээр чок аажылап ораны мени оон-моон өрүмнөп турган-биле дөмей* [32, с. 241].

‘Резкие слова матери, ее неестественное поведение будто буравили меня со всех сторон.’

Компаратив дөмей в составе особой синтаксической структуры

Сравнительную семантику, а во многих случаях и выразительность, на наш взгляд, передает особая конструкция.

В тувинских эпических текстах маркирование сравнительной семантики осуществляется с помощью грамматикализованной конструкции, компаративное ядро которой составляет имя с диминутивом =чүк и комитативом-инструменталисом *-биле* и компаративом *дөмей* со сравнительной частицей *-ла*.

(26) *Сарыг хөлчүк-биле дөмей-ле, бора мун бора хөлчүк-биле дөмей* [11, с. 44].

‘С желтое озерцо [у него сыворотки], мясного отвара – с серое озерцо.’

Предикат *дөмей* достаточно часто сочетается с такого рода своеобразными «вербализаторами».

Еще одна возможность выражения сравнения представлена конструкцией, в которой имя с диминутивом =чүк, грамматикализованной формой *болган* (от глагола *бол-* ‘быть’). В состав ядра входит прилагательное-квалитатив *ала* ‘пестрый’.

(27) *Хөлчүк болган ала караан хөлүңнөди көргүлөп олуруп-тур эвеспе* [11, с. 350].

‘Ясными, как озерца, глазами смотрит, нахмурившись (Бора-Шэлей).’

Глаза переливаются, пестрят разными цветами, что придает им загадочность и гипнотическую силу. Это, так называемые, пестрые глаза.

Компаратив дөмей с формой на – тыг.

Предшествовать предикату *дөмей* могут не только существительные в управляемой им падежной форме, но и в различных свободных формах, например, в форме адъективного типа на *-тыг*.

(28) *Ооң соондан сүреримге, мырыңай маңнаттынмас, бүттарым дужактыг-биле дөмей...* [32, с. 251].

‘Когда бежал вслед за ним, совсем не (передвигался), ноги как будто спутанные...’.

Заклучение

Обобщая результаты проведенного исследования лексико-синтаксических средств выражения компаративности в тувинском языке, можем сказать следующее. Среди рассмотренных примеров встречались такие, где лексема *дөмей* выступает в качестве конечного предиката, и такие, где она выполняет функцию, более близкую функции компаративного показателя: сопровождающий храпит, как дома; как белая береста, похожи на собачьи (зубы).

Следует упомянуть, что наряду с лексемой *дөмей* в диалектах и разговорной речи используется целая серия других показателей, передающих семантику подобия, сходства, т. е. функционально близких, к слову *дөмей*. Однако в литературных текстах они практически не встречаются. Б. И. Татаринцев не без основания высказывал предположение о диалектном происхождении таких слов, как *хевирлеш* 'похожий', *хевирлиг* 'имеющий вид', *дүрзүлеш* 'эскиз' [33, с. 124].

(29) *Кижиг адыгга хевирлеш* [10]

кижи адыг=га хевирлеш
человек медведь=DAT подобный
'Человек подобен медведю'.

(30) *Арзылаң-Караның дүрзү-түрүзү бар хевирлиг* [11, с. 270].

'Видом-обликом схож с конем Арзылан-Кара'.

(31) *Кышкы аргада төжек мөөгүге дүрзүлеш* [10].

кышкы арга=да төжек мөөгү=ге дүрзүлеш
зимой лес=LOC пень гриб=DAT подобный
'Пень в зимнем лесу имеет вид гриба'.

Эталон сравнения выражен именной словоформой в дательном падеже, которого требуют эти лексемы: 'подобен кому – чему'.

Дөмей, *хевирлеш* 'похожий', *дүрзүлеш* 'подобный' сопоставимы с русским 'подобен'. Все они требуют дополнительного комментария, раскрытия тех признаков, с которыми связано подобие: рост, повадки, походка и т. п. Во всех примерах сравнений с подобными показателями остается не выраженным тот аспект признака (но не сам признак), по которому устанавливается сходство.

Таким образом, как мы могли видеть, сравнительная конструкция может включать в себя вспомогательный элемент – оператор, или модуль сравнения, который маркирует сам факт сравнения предметов, внося в конструкцию дополнительные оттенки значения (уверенности, неуверенности, сомнения, предположения).

Формальным выражением оператора сравнения могут быть служебные части речи (частицы, падежи и др.).

В результате проведенного анализа компаративных единиц тувинского языка мы установили, что в качестве объекта сравнения наиболее часто употребляются субстантивные компоненты, обозначающие представителей фауны, флоры, а также природные явления.

Концепт «сравнение» представлен лексико-синтаксическими средствами, выражающими в основном значение подобия и превосходства. Значением уподобления и сопоставления маркированы словосочетания, состоящие из дательного падежа: подобно кому / чему-нибудь, в противоположность к чему-либо; творительного падежа с лексемой *дөмей*: по сравнению с кем / чем-нибудь, в сравнении с кем / чем-нибудь и т. д.

На лексическом уровне отношения равенства / сходства и неравенства: полного и неполного выражаются в языке именами прилагательными, существительными, глаголами, наречиями с семантикой сходства и различия.

Авторский взгляд на действительность актуализируется в рамках стилистических приемов с помощью различных языковых средств, для эмоционального воздействия на читателя.

Мы можем также согласиться, что сравнение относится к тем категориям, которые играют решающую роль в формировании национальной и индивидуальной картины мира. Рассматривая другие языки, можно обнаружить в них не только выявленные в тувинском, алтайском, якутском и хакасском языках средства вербализации концепта сравнение, но и пополнить данный репертуар другими компаративами.

Л и т е р а т у р а

1. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 655 с.
2. Черемисина, М. И. Сравнительные конструкции русского языка / М. И. Черемисина. – Новосибирск : Наука, 1976. – 270 с.
3. Русская грамматика. – Москва : Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
4. Васильев, Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке / Ю. И. Васильев. – Новосибирск : Наука, 1986. – 109 с.
5. Тыбыкова, Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. Н. Тыбыкова. – Алма-Ата, 1989.
6. Кыржинакова, Э. В. Способы выражения сравнения в хакасском языке : Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кыржинакова Эльвира Валериевна. – Москва, 2010.
7. Мушаев, В. Н. Типология форм выражения сравнительных отношений в монгольских и тюркских языках / Мушаев В. Н., Абдуллаев С. Н. // *Oriental Studies*. – 2018. – № 11 (6). – С. 130–139.
8. Шаховский, В. И. *Лингвистическая теория эмоций* / В. И. Шаховский. – Москва : Гнозис 2008. – 416 с.
9. Русско-алтайский словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1964. – 875 с.
10. Полевые материалы автора
11. Тувинские героические сказания // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 1997. – Т. 12 – 584 с.
12. Чаа дугуржулга-Чагыг. – Москва : Институт перевода Библии, 2001. – 615 с.
13. Тувинско-русский словарь. – Москва : Советская энциклопедия. 1968. – 646 с.
14. Русско-тувинский словарь. – Москва : Русский язык. 1980. – 670 с.
15. Исахов, Ф. Г. Грамматика тувинского языка / Ф. Г. Исахов, А. А. Пальмбах – Москва : Издательство восточной литературы, 1961. – 472 с.
16. Черемисина, М. И. Выражение сравнения в тувинском языке / М. И. Черемисина, Л. А. Шамина // *Языки коренных народов Сибири*. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 1996. – № 3. – С. 65–84.
17. Широкова, Н. А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения в современном русском языке / Н. А. Широкова. – Казань : Издательство Казанского университета, 1963. – 56 с.
18. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
19. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
20. Берков, В. П. Компаративность / В. П. Берков // *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность*. – Санкт-Петербург : Наука, 1996. – С. 107–160.
21. Салзынмаа, Е. Б. Учебник тувинского языка / Е. Б. Салзынмаа. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1980. – 232 с.
22. Мифы. Легенды. Предания тувинцев // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : Наука, 2010. – Т. 28. – 372 с.
23. Марткың Бижээни Буянныг Медээ // Чаа Дугуржулга-Чагыг. – Москва : Библия очулгазының институту, 2001. – С. 88–89.
24. Луканың Бижээни Буянныг Медээ // Чаа Дугуржулга-Чагыг. – Москва : Библия очулгазының институту, 2001. – С. 143–233.

25. Донгак, Э. Л. Чолдак-аңчының чугаалаары / Э. Л. Донгак. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1982. – 47 с.
26. Черлиг-оол, К. Аялга / К. Черлиг-оол. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1990. – 192 с.
27. Саая, Т. Адыг оглу / Т. Саая. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 2002. – 48 с.
28. Балчый, К. Үүлгедигниң ялазы / К. Балчый. – Кызыл : Аныяк, 2010. – 128 с.
29. Тока, С. К. Араттын сөзү / С. К. Тока. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1967. – 171 с.
30. Улуг-Хем. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1987.– № 67. – 182 с.
31. Монгуш, Д. А. О служебных функциях слов *кижи*, *улус* и *чүве* в тувинском языке / Д. А. Монгуш // Тюркские языки Сибири. – Новосибирск : Полиграфический участок УД СО АН СССР, 1983. – С. 12–35.
32. Саган-оол, О. К. Чогаалдар чынддызы / О. К. Саган-оол. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1975. – Т. 2. – 367 с.
33. Татаринцев, Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику / Б. И. Татаринцев. – Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1976. – 130 с.

References

1. Vinogradov, V. V. On the language of fiction / V. V. Vinogradov. – Moscow : Gospolitizdat, 1959. – 655 p.
2. Cheremisina, M. I. Comparative constructions of the Russian language / M. I. Cheremisina. – Novosibirsk : Nauka, 1976. – 270 p.
3. Russian grammar. – Moscow : Nauka, 1980. – Т. 2. – 710 p.
4. Vasiliev, Yu. I. Ways of expressing comparison in the Yakut language / Yu. I. Vasiliev. – Novosibirsk : Nauka, 1986. – 109 p.
5. Tybykova, L. N. Comparative constructions of the Altai language : Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences / L. N. Tybykova. – Alma-Ata, 1989.
6. Kyrzhinakova, E. V. Ways of expressing comparison in the Khakass language: Abstract of the thesis for the degree of candidate of philological sciences / Kyrzhinakova Elvira Valerievna. – Moscow, 2010.
7. Mushaev, V. N. Typology of forms of expression of comparative relations in the Mongolian and Turkic languages / Mushaev V. N., Abdullaev S. N. // Oriental Studies. – 2018. – No. 11 (6). – P. 130–139.
8. Shakhovsky, V. I. Linguistic theory of emotions / V. I. Shakhovsky. – Moscow : Gnosis 2008. – 416 p.
9. Russian-Altai dictionary. – Moscow : Soviet Encyclopedia, 1964. – 875 p.
10. Field materials of the author
11. Tuvan heroic legends // Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. – Novosibirsk : Nauka, 1997. – V. 12 – 584 p.
12. Chaa dugurzhulga-Chagyg. – Moscow : Institute for Bible Translation, 2001. – 615 p.
13. Tuva-Russian dictionary. – Moscow : Soviet Encyclopedia. 1968. – 646 p.
14. Russian-Tuvan dictionary. – Moscow : Russian language. 1980. – 670 p.
15. Iskhakov, F. G. Grammar of the Tuvan language / F. G. Iskhakov, A. A. Palmbach – Moscow : Oriental Literature Publishing House, 1961. – 472 p.
16. Cheremisina, M. I. Expression of comparison in the Tuvan language / M. I. Cheremisina, L. A. Shamina // Languages of indigenous peoples of Siberia. – Novosibirsk : Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1996. – No. 3. – Pp. 65–84.
17. Shirokova, N. A. Types of complex sentences expressing comparison relations in modern Russian / N. A. Shirokova. – Kazan : Kazan University Press, 1963. – 56 p.
18. Arutyunova, N. D. Language and the human world / N. D. Arutyunova. – Moscow : Languages of Russian culture, 1998. – 896 p.
19. Vezhbtskaya, A. Semantic universals and description of languages / A. Vezhbtskaya. – Moscow : Languages of Russian culture, 1999. – 780 p.
20. Berkov, V. P. Comparative / V. P. Berkov // Theory of functional grammar. Quality. Quantity. – St. Petersburg : Nauka, 1996. – Pp. 107–160.

21. Salzynmaa, E. B. Textbook of the Tuvan language / E. B. Salzynmaa. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1980. – 232 p.
22. Myths. Legends. Traditions of the Tuvans // Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. – Novosibirsk : Nauka, 2010. – Т. 28. – 372 p.
23. Martkyng Bijeeni Buyannyg Medee // Chaa Dugurjulga-Chagyt. – Moscow : Institute for Bible Translation, 2001. – Pp. 88–89.
24. Lukanyng Bijeeni Buyannyg Medee // Chaa Dugurjulga-Chagyt. – Moscow: Institute for Bible Translation, 2001. – Pp. 143–233.
25. Dongak, E. L. Choldak-angchynyng chugaalaary / E. L. Dongak. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1982. – 47 p.
26. Cherlig-ool, K. Ayalga / K. Cherlik-ool. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1990. – 192 p.
27. Saaya, T. Adyg oglu / T. Saaya. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 2002. – 48 p.
28. Balchiy, K. Üülgedigning yalazy / K. Balchyy. – Kyzyl : Anyyak, 2010. – 128 p.
29. Toka, S. K. Arattyng sözü / S. K. Toka. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1967. – 171 p.
30. Ulug-Khem. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1987. – No. 67. – 182 p.
31. Mongush, D. A. On the service functions of the words kizhi, ulus and chüve in the Tuvan language / D. A. Mongush // Turkic languages of Siberia. – Novosibirsk : Polygraphic department of the UD SO AN USSR, 1983. – Pp. 12–35.
32. Sagan-ool, O. K. Chogaaldar chyindyzy / O. K. Sagan-ool. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1975. – Т. 2. – 367 p.
33. Tatarintsev, B.I. Mongolian language influence on Tuvan vocabulary / B.I. Tatarintsev. – Kyzyl : Tuva book publishing house, 1976. – 130 p.

Принятые сокращения

ABL – аблатив; ACC – аккузатив; ADJ – адъектив; COMP – компаратив; COP – копула; DAT – датив; INFIX – инфикс; INSTR – инструменталис; NOM – номинатив; POSS – посессивный показатель; PRCL – частица; PrP – причастие настоящего-будущего времени; SG – единственное число.

ШАМИНА Людмила Алексеевна – д. филол. н., главный научный сотрудник Сектора языков народов Сибири, ФГБУН Институт филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН).

E-mail: Shamina_la@mail.ru

SHAMINA, Lyudmila Alekseevna – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Siberian Languages Sector, Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IFL SB RAS).